

Музей Русской Культуры в Сан-Франциско

Тридцать четвертая встреча членов клуба «Друзья Музея»

Маргарита Меняйленко, кандидат исторических наук, заведующая архивом Музея русской культуры в Сан-Франциско
для Русской Жизни

4 МАЯ состоялась 34-я встреча Друзей Музея – встреча тех, кто поддерживает Музей: частных жертвователей, волонтеров и тех, кто заинтересован в сохранении русской истории.

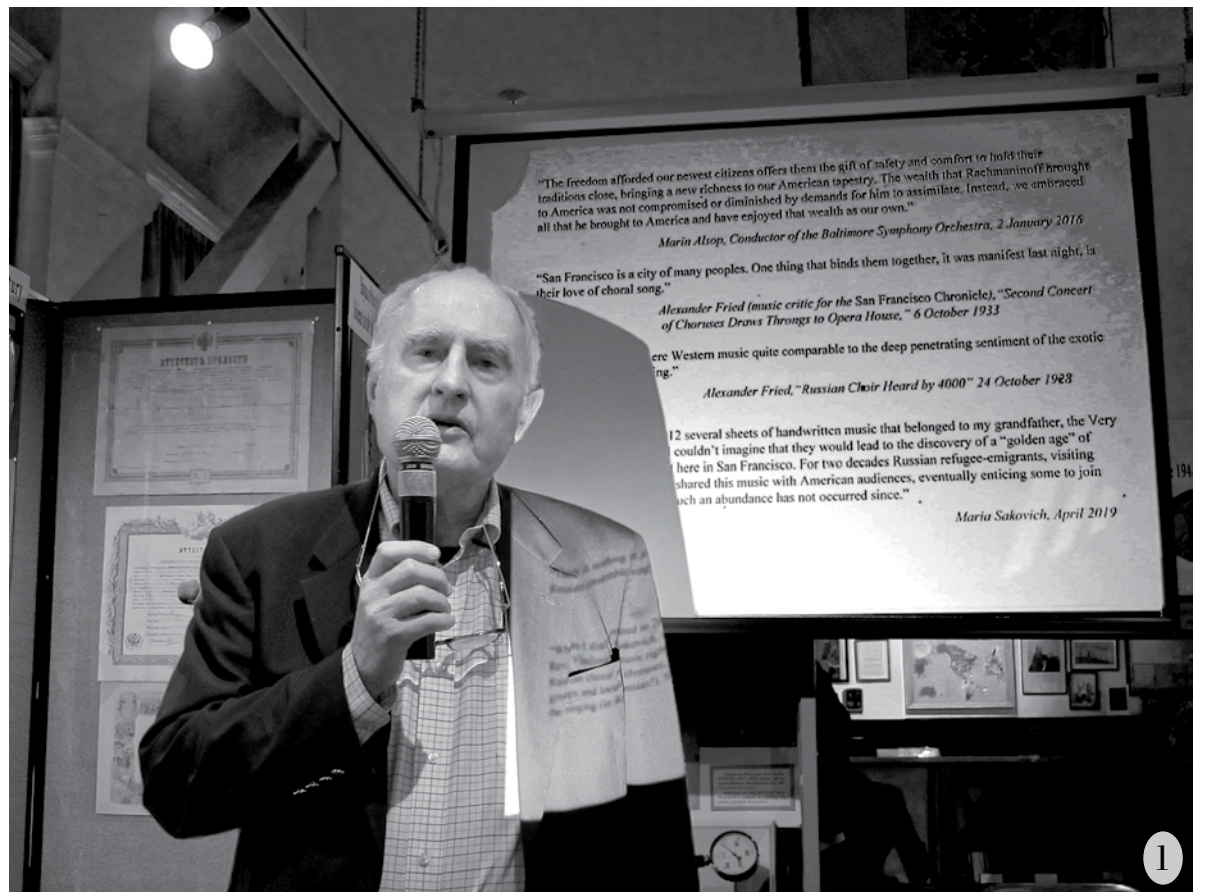
Мария Сакович назвала своё выступление «Русская хоровая музыка в Сан-Франциско в 1920-1930-е годы: культурное богатство и культурный обмен».

Обнаружив в 2012 году несколько листов рукописной музыки, принадлежавших дедушке, преподобному Вла-

димиру Саковичу, Мария не могла себе представить, что они приведут к открытию "золотого века" русской хоровой музыки в Сан-Франциско.

В 1920-е годы концерты в Сан-Франциско были очень популярны, они шли в концертных помещениях, залах при отелях, в женских клубах... Для тех времён цифра 4500 посетителей не была чем-то необычным, и появившееся радио транслировало практически все группы!

Прибывшие в Сан-Франциско в начале 1920-х годов

с 5-ой стр. **ВЕРНОСТЬ**

телей непременно! Надо постараться бунтующих солдат словами успокоить. Не надо ни одной капли крови, прошу вас!»

Ранним утром 4 марта пришла страшная весть - слух об отречении Государя Императора ошеломил всех! Никто из офицеров Конвоя не мог этого понять и этому поверить. Днем откуда-то занесли во дворец несколько экземпляров Манифеста Государя Императора об отречении от Всероссийского Престола за Себя

и за Государя Наследника Цесаревича и одновременно «Отказ» Великого Князя Михаила Александровича, «от восприятия Верховной Власти»...

Весть эта гарнизоном дворца переживалась с неизъяснимою болью. Этим ужасом все были прибиты и придавлены. «Случилось что-то непонятное, дикое, неестественное, никак не укладывающееся в мозгу. Земля уходила из-под ног... Было... и нет ничего! Пусто, темно... Будто душа вылетела из живого еще тела...» (Из дневника сотника Зборовского). Ее Величество стремилась всяче-

ски ободрить конвойцев, вызвала к себе Зборовского и передала ему следующее: «Меня наконец-то соединили с Государем, и Мне удалось Ему передать, что газетная заметка о Конвое лжива. Государь ответил, что Он в этом и не сомневался, и Мы были правы, считая казаков Нашими истинными друзьями. Передайте это казакам и успокойте офицеров».

Вместе с тем Государыня поручила сотнику Зборовскому передать офицерам и казакам ее просьбу снять вензеля Его Величества. «Сделайте это для Меня, - сказала

Государыня, - иначе Меня опять будут винить во всем, и от того могут пострадать Дети». До Государыни дошли сведения, что в Петрограде были случаи кровавой расправы с офицерами: придирались к Царским вензелям на погонах.

С глубочайшей раной в сердце переживалось расставание с дорогой эмблемой... Царя в России нет... все перевернулось, пропало... Удар шел за ударом... Еще тяжелее было передавать приказание Ее Величества казакам. Некоторые сверхсрочные урядники рыдали, другие

просто не хотели стоном: «Ваше Величество да что же это! Как Царя?!..»

Утром 8 марта Временного правительства охранные войска могли и не казаку, если бы об этом Императрица, иб своей Главной. После приказа сотник принят Государыней, ему свое повелени

от 5 до 10 тысяч русских эмигрантов принесли с собой и разнообразные хоровые традиции, исполнявшиеся «а капелла».

Уже в 1919 году Киприан Шановский дал концерт русского хора в русских костюмах. Он и стал организатором Русского певческого общества в Сан-Франциско.

Настоятель Св. Троицкого собора, основанного в Сан-Франциско в 1868 году, о. Владимир, прилагал все усилия, чтобы звучание церковного хора было благолепным. Он также взял на себя музыкальную миссию и при любой возможности приглашал американских туристов посетить церковную службу. Это несомненно вело к росту интереса к церкви и русской духовной музыке. С 1924 года регент Св. Троицкого собора Ф.В. Костин стал давать концерты русской духовной и светской музыки в американских залах.

С января 1922 в течение двух недель в Сан-Франциско и частично в Окленде шли оперы – преимущественно русские!!!

Музыкальный критик сан-францисских газет Александр Фрид писал в 1928 году в статье под названием «Рус-

ский хор слышали 4000»: «Ничто в западной музыке не сравнится с глубоким проникновенным чувством от экзотического русского ансамблевого пения». Среди американцев в эти годы стало популярным направление «а капелла», прибывшие русские эмигранты вносили свой вклад в его развитие.

Известно, что начале 1930-х кроме Сан-Франциско концерты русской хоровой музыки ставились в женском клубе в Пало Алто, в церкви в Стэнфорде. Михаил Кринов с успехом провёл концерт в Купертино. В Сан-Франциско концертывали Украинский хор, Квартет Кедрова, хор Агреновой-Славянской.

Поток русских эмигрантов в Калифорнию нарастал, приезжали и новые дирижёры. Рост интереса к русской музыке привёл к тому, что американцы начали петь на русском языке под управлением русских хоровых дирижёров.

В 1932 приехал П.Н. Шульгин и организовал в Стэнфорде хор из 20 человек, которые пели в том числе по-русски.

В 1933-1935 годах Федор Горбачев при университете в Беркли организовал мужской

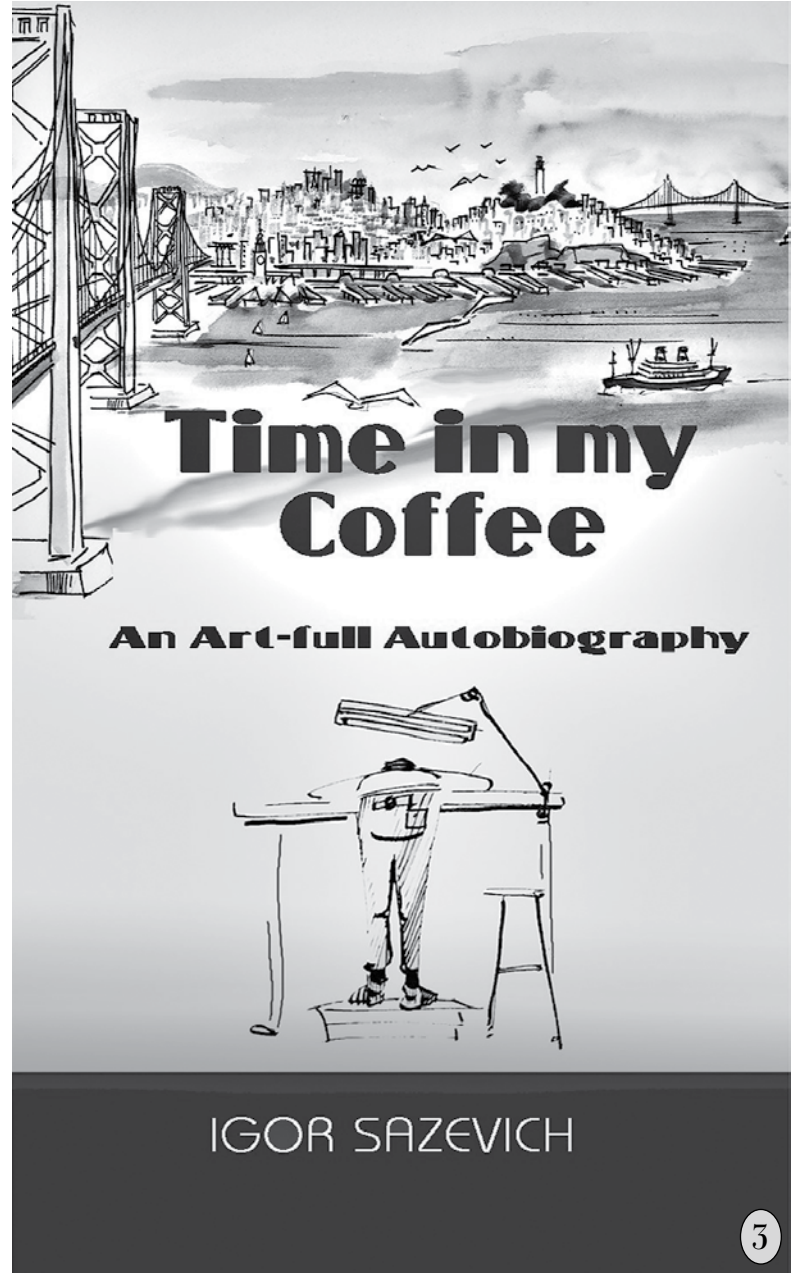
хор американских студентов (из 27 студентов лишь один был русский), которые пели на русском языке.

Православные хоры устраивали совместные концерты с баптистами, проводили концерты православной музыки в американских церквях, а хоры американских церквей исполняли православные песнопения, в основном на английском языке.

В 1930-е прибыли регенты Рябков, И. Колчин, В. Лукша, А.К. Пичугин. С ростом хоровой активности реклама русских хоров перестала быть редкостью в газетных рекламках.

Вторая мировая война, «холодная» война и времена Маккарти прервали уникальную традицию музыкального обмена в Сан-Франциско, а затем привели и к забвению эпохи расцвета русской музыкальной культуры в Сан-Франциско 1920-х-1930-х годов.

По инициативе председателя правления Музея А.Н. Ганса на Встречу мы также пригласили архитектора и художника Игоря Сасевича. Его выступление было очень живым, наполненным яркими воспоминаниями, ведь совсем недавно, в 2018 году, он опу-

снимать. Стояло высокоблагородие, акая же Россия без поступил приказательства об остав-ца и передача по-рского Села. Кон-подчиниться при-том их попросила о они считали ее не получения этого Зборовский был ней, передавшей е о неизбежности

подчинения требованию об уходе из дворца: «Прошу вас всех воздержаться от каких-либо самостоятельных действий, могущих только задержать прибытие Государя и отразиться на судьбе Детей. Начиная с Меня, мы все должны подчиниться судьбе». Офицеры Конвоя также просили сотника Зборовского передать Государыне Императрице их верно-подданические чувства. Зборовский отправился исполнить просьбу всех офицеров. В ожидании его возвращения между офицерами царила полная тишина. Все сидели с

помертвевшими лицами и молчали... Зборовский передал просьбу казаков Государыне. Подавляя волнение, Государыня просила Зборовского передать всем офицерам и казакам Конвоя благодарность за верную службу, изволив сказать: «от Меня и Детей!» Затем Ее Величество вручила сотнику Зборовскому маленькие образки - свое благословение офицерам. «Не помню как вышел из дворца, - записал в дневнике Зборовский. - Я шел не оборачиваясь. Рука сжимала образки, в груди теснило, к горлу

подкатывалось что-то тяжелое, готовое вырваться стоном.... В 16 часов произошла смена. Чины Конвоя и Сводного полка сняты со своих постов. Последний взгляд на дворец и... потеря его навсегда!». Время все расставляет на свои места: ложь обнаруживает себя и уходит прочь с исторического горизонта. Остается правда. Но как бывает обидно честным людям слышать в свой адрес незаслуженные упреки, даже от близких им по духу лиц. Желая поддержать бывших конвойцев, Ее Императорское Высоче-

ство Великая Княгиня Ольга Александровна написала в 1959 г. полковнику Галушкину (бывшем в 1917 г хорунжим Конвоя), письмо со словами: «... Вы все чисты перед своей совестью, передо мною, перед теми, кто знает истину, и перед ними, дорогими (имеется в виду Царская Семья. - О. И.). При встрече, будет ли это в этом мире или другом - вы можете смотреть им в глаза, и только с этим давайте считаться!..»

Впервые опубликовано: Посев. - №11 (1611). - 2011. **РЖ**

бликовал мемуары «Time in my Coffee».

В этой небольшой статье хочется больше внимания уделить судьбе родителей Игоря в годы русской революции.

Мама Ина Арнольдова родилась в семье священника в г. Одессе в 1897 году. Её отец погиб во время революции. Из 4-х старших братьев, один погиб во время войны, двое других пропали без вести.

Чтобы спасти единственную уже двадцатилетнюю дочь Ину, мать договорилась с белым офицером по фамилии Кротков, чтобы тот отвез ее в безопасное место. В дорогу она дала Ине довольно большую икону в золотом с бриллиантами окладе.

В 1922 году Кротков с Иной оказались около границы с Китаем, но их выдвали большевикам. Кроткову помогло образование инженера-путейца - большевикам нужен был ремонт железной дороги.

Во время сильного снегопада, спрятав в подушке икону, которую случайно не конфисковали, они исчезли в темноте.

В Японии помог с проживанием бывший царский офицер. Получив визу в середине 1920-х они прибыли в Сан-Франциско.

Первое время Ина шила мешки для сахара на сахарном заводе, а затем поступила в California School of Fine Art.

Сохранилась карточка, на которой Ина сфотографирована в элегантной одежде, шляпке, меховой накидке и с собачкой на коленях.

Отец Игоря Сасевича, Сигизмунд, родился в 1899 в г. Самаре, работал юристом в акционерном обществе Московско-Казанской железной дороги в Казани. Сигизмунд был самым младшим из пяти детей.

В 1918 году Казань была

захвачена красными. Члены семьи участвовали в различных воюющих между собой партиях - семья фактически была разрушена.

Сигизмунд, студент филологического факультета Казанского университета, был мобилизован в Чехословацкий корпус, оказался в Омске, затем - в Харбине, где некоторое время работал в театре. Уже в 1923 году перебрался в Сан-Франциско.

Не зная английского языка, он попробовал устроиться на кирпичный завод в Alameda. На интервью он пошёл в таксидо и черных туфлях, полученных в период работы в театре в Харбине.

Вскоре занялся окраской и настенной росписью, в 1936 году помогал Виктору Арнаутову расписывать стены Washington High school в Сан-Франциско. Игорь показал гостям Встречи сохранившуюся у отца Yearbook этой школы, украшенную на разворотах в начале и конце книги фотокопиями стенных росписей В. Арнаутова.

Сигизмунд принял прямое участие в выдающемся событии русской эмиграции - постановке в 1937 году в Сан-Франциско в театре Тиволи оперы «Жизнь за царя» в честь 100-летия первой русской оперы. Он отвечал за декорации к опере.

Ина и Сигизмунд познакомились во время работ по украшению интерьеров балльных залов Сан-Франциско. В 1929 году у них родился сын, которого мама назвала в честь князя Игоря из одноименной оперы Бородина. У Игоря - интересная судьба. Кто не был на Встрече могут почитать его книгу, в которой преломлена история России последнего столетия!

РЖ

ФОТОГРАФИИ:

1. Президент Музея русской культуры в Сан-Франциско Александр Николаевич Ганса открывает встречу
2. Выступление внучки священника о. Владимира (Саковича) - Марии Сакович
3. Книга воспоминаний Игоря Сасевича
4. Слева - Ина (мама Игоря Сасевича), справа - офицер Белой армии Кротков
5. Игорь Сасевич, архитектор и художник, представляет свою книгу воспоминаний
6. Гость из Лос-Анджелеса Иван Подвалов

5

6